

А. В. Соколов

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

На путях познания документосферы.

Часть 2*.

Второе приближение к сущности документа: информационный подход

В статье отмечено, что информационный подход раскрывает логические взаимосвязи категорий «информация» и «документ», воздействие информационных технологий на документальную коммуникацию и служит методологической основой для документологии как обобщающей теории документосферы. Рассмотрены причины, затрудняющие научную интеграцию документальных социальных институтов.

Ключевые слова: документ, документальная коммуникация, документология, документосфера, интеграция, информационный подход, информация, теория, социальный институт.

UDC 002.1

Arkadiy Sokolov

St. Petersburg State Institute of Culture, Russia

On the ways to knowledge of documentsphere.

Part 2*.

The second approach to the essence of documents: An information approach

The author emphasizes that the information approach reveals logical relationship of “information” and “document” concepts, information technology impact on documentary communication, and serves as a methodological basis for documentology as the documentsphere unifying theory. The obstacles to theoretical integration of document-based social institutions are examined.

Keywords: documents, document communication, documentology, documentsphere, information approach, information, social institution.

---

* Часть 1 опубликована в № 5 2016 г.

Empirical approach which has been studied in the first part of this article does not enable us to construct the essential theory of document. Let us suppose that information is an invariant of the document which expresses its essence. The author considers information as an instrument of knowledge. Some types of information are described: semantic, digital, mathematical, biological, elementary and so on. Taking into account the great variety of definitions the author concludes that there is not an unique definition of information/then follows vast discussion on the documentation process and eight types of document definitions are presented on the ground of the G.N. Petrova-Vodkina approach. Basic conclusion is: "All sectors of the documentsphere are carriers of semantic information". As for synthesis of archives, libraries and museums Mr Sokolov outlines common key technologies, namely acquisition, storing, service of all institutions. Semantic information category is a common aspect with respect to concept "book", or "archive document", or "bibliographical description", or "museum artifact" therefore facilitating integration trends. In conclusion the article a lot of citations are used to resist the other considerations and explanations of the information-semantic approach.

Под *сущностью* будем понимать умопостигаемое содержание явлений, данных нам в ощущениях. На основе эмпирического подхода, рассмотренного в первой части нашего исследования, сущностную теорию документа построить нельзя, потому что эмпирические факты – это сумма более-менее удачно собранных явлений, суть которых неизвестна. Эмпирические факты нуждаются в осмыслении: нужно познать инвариантное (необходимое) отличительное качество, которое составляет их содержание. Если инвариантное качество не просматривается, нет оснований для построения сущностной дефиниции данных явлений.

В первой части статьи (см. № 5 2016 г. – *Ред.*) были цитированы эмпирические определения документа, бытующие в архивоведении, документоведении, книговедении, музееведении. В большинстве определений, предложенных во второй половине XX в., говорится, что документ – «зафиксированная информация», или «информация, записанная на материальном носителе», или «материальный объект, выступающий в качестве носителя информации», или «документальный источник информации», или «средство закрепления информации» и т.п. В качестве рабочей примем гипотезу: информация является тем инвариантом документа, который выражает его сущность. Насколько же плодотворна эта гипотеза?

В своём «Трактате о документации» (1934) Поль Отле, раскрывая понятия «документ» и «книга», обходился (в отличие от своих последовате-

лей) без употребления термина «информация», довольствуясь такими описательными выражениями, как «материализованная память человечества, которая день за днем регистрирует факты, идеи, действия, чувства, мечты, запечатлевшиеся в сознании человека» [1. С. 16]. Обращение документов 1960-х – 1970-х гг. к категории «информация», видимо, объясняется популярностью кибернетики и вычислительной техники, а также распространением методологии информационного подхода почти во всех отраслях знания, кроме богословия. Плодами информационного подхода стали многочисленные своеобразные трактовки информации, иногда не имеющие друг с другом ничего общего. Как это стало возможно?

Суть информационного подхода состоит в том, что «информацией» именуются те объективные или субъективные явления, которые кажутся соответствующими интуитивному представлению об информации. Это представление, как правило, основывалось на общеязыковом понимании информации как «сведений, известий, сообщений». Отталкиваясь от обыденного стереотипа, пытливые исследователи стали называть информацией те явления, которые представлялись им похожими на неё.

Главная особенность информационного подхода состоит в том, что исследователь *не открывает* информацию в реальном мире, как открываются звёзды или микробы, а всего лишь *называет информацией* те объекты или явления, которые *кажутся* ему соответствующими этому названию. Например, последователи великого физиолога И. П. Павлова стали именовать «информационными системами» его знаменитые «сигнальные системы», служившие для раскрытия механизма условных рефлексов. В XX в., как заметил Р. С. Гиляревский, «слово “информация” стало настолько модным, что многие явления и процессы в природе, обществе и мышлении при самой отдалённой схожести с информацией называются её именем. А это, в свою очередь, порождает много заблуждений технократического толка» [2. С. 19].

Информационный подход – привлекательный методологический инструмент, который я позволил себе назвать *информационными очками*, вспомнив замечательную фантазию А. М. Волкова (1891–1977) «Волшебник Изумрудного города». Как известно, иллюзия изумрудности этого города создавалась благодаря специальным очкам, которые были обязаны постоянно носить все горожане. Если очки снимали, Изумрудный город исчезал. Выполняя функцию «информационных очков», информационный подход представляет мир в «информационном свете». Например, книгу изначально считали «источником знания», а в свете информационного подхода она выглядит «источником информации»; «библиографическое описание» становится «библиографической информацией», а библиотеки вместо просвеще-

ния культивируют «информационное обслуживание».

Благодаря «информационной оптике» мир стремительно информатизируется, и через «информационные очки» после индустриального общества просматривается «информационное общество». Следовательно, *методология информационного подхода первична, информация вторична*. Это означает, что информация не объект, а инструмент познания. Исследователь сначала принимает решение использовать информационный подход (надеть «информационные очки»), затем обращает свой взор на изучаемую реальность и, наконец, обнаруживает (или не обнаруживает) в этой реальности то, что соответствует его представлениям об информации.

Информационный подход выполняет полезную *описательно-объяснительную* функцию, заключающуюся в своеобразном объяснении «неизвестного через неизвестное». Например, нам неведомы действительные механизмы памяти, понимания, мышления, но можно вразумительно обсуждать эти сложные психические явления посредством интуитивно постигаемого понятия информации: память – это хранилище информации, понимание – раскодирование информации, мышление – обработка информации. Определения документа как источника или носителя информации есть результат информационного подхода. Неслучайно в монографиях и учебниках по документоведению обязательно присутствует раздел, посвящённый информации, а документально-информационный подход активно используется в теориях документа. Попробуем разобраться, насколько информационный подход приближает нас к познанию сущности документа. Но сначала нужно уточнить типы информации, которые соответствуют задаче описания сущности документа посредством методологии информационного подхода.

2.1. Типы информации

В отечественных толковых словарях информация трактуется как «сообщение о положении дел где-то, о каких-то событиях и т.п.». В американском словаре английского языка слово *information* отождествляется со словом *knowledge* (знание, сведения о чём-либо) и определяется как «любое знание или новость, полученные посредством коммуникации, познания, обучения», короче говоря, *knowledge communicated*. Наши законодатели сочли полезным уточнить, о чём идёт речь, и приняли такую дефиницию: «информация – сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления» (ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г.).

Помимо федеральных законов, у нас есть ещё терминологические стандарты, регламентирующие научную терминологию. Так, ГОСТ 7.0–99 «Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и

определения» предписывает понимать информацию как «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами, как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации». Перечисленные авторитетные источники не противоречат друг другу и единогласно утверждают, что информация – это сведения (знания, сообщения), передаваемые в процессе коммуникации. Подобный тип информации известен как **семантическая информация**, представляющая собой *способ выражения духовных смыслов (знаний, умений, эмоций, волевых стимулов, фантазий) человекочитаемыми коммуникабельными знаками*. Учитывая знаковую форму семантической информации, её можно назвать «знаковой», или «семиотической».

Изобретение в XIX в. телеграфа, телефона, затем радио и компьютерной техники обусловило появление **машинной информации**, понимаемой как *способ передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов*. Учитывая сигнальную форму машинной информации, её можно назвать «сигнальной», или «кодированной» (цифровой, дискретной, континуальной).

Схема электрической связи, на первый взгляд, подобна схеме естественного общения между людьми, но на самом деле это два качественно различных рода коммуникации. В первом случае она происходит в естественной социосфере по схеме «Коммуникант – Сообщение – Реципиент», во втором – в искусственной техносфере по схеме «Передатчик – Сообщение – Приёмник». Люди обмениваются вербальными или невербальными человекочитаемыми знаками, а передатчики и приёмники – специально созданными машиночитаемыми сигналами, несущими закодированные команды и данные для обработки.

Семантическую и машинную информацию, учитывая их социальную природу, можно считать *родственными типами социальной информации* – информации, циркулирующей в обществе и изучаемой посредством информационного подхода общественными (социальными) и техническими науками.

К социальной семантической информации обращаются такие общественные науки, как журналистика, история, культурология, лингвистика, политология, реклама и PR, семиотика, социология и многие другие. Понятие социальной машинной информации используют: автоматика, вычислительная техника, искусственный интеллект, компьютерная информатика, радиотехника, телемеханика, электротехника и др. Разумеется, каждая дисциплина, исходя из своего предмета, предлагает собственную интерпретацию информации.

Многообразие информации и полисемия информационной терминологии не исчерпываются двумя типами информации. В 1948 г. американский математик Клод Шеннон (1916–2004) по аналогии с термодинамической

энтропией (мерой хаоса) назвал *информационной энтропией* количественную меру неопределённости ситуации. В теории Шеннона информация трактуется как *снятая неопределённость*, а количество информации оценивается долей уменьшения энтропии.

Математическая информация не имеет никаких общих свойств с семантической или машинной, она дематериализована и представляет собой умственный конструкт, подобный логарифмам, мнимым числам и другим абстракциям, отсутствующим в физической реальности. Поскольку область её применения не ограничена социальной сферой и распространяется на неживую и живую природу, изучаемую естественными науками (астрономия, генетика, геология и др.), правомерно назвать этот тип информации *универсальным*.

Информационные процессы в биосфере ассоциируются с **биологической информацией**, имеющей свои типологические особенности. Материалисты, считающие информацию неотъемлемым атрибутом материи, признают наличие в неживой природе **элементарной информации**; другие учёные отрицают это. Таким образом, вырисовываются *пять типов информации* (семантическая, машинная, математическая, элементарная, биологическая), каждый из которых подразделяется на разновидности, именуемые, зачастую, метафорично.

Информационный подход, раскрепостивший воображение учёных, допускает формулировки, весьма далёкие от общеязыкового значения слова «информация» и никак не связанные с передачей каких-либо смыслов или сигналов. К. Шеннон, окрестивший информацию «снятой неопределённостью», стал первооткрывателем *информационной метафоризации*. Метафора, напомним, есть словосочетание, характеризующее данное явление путём перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений).

В научной литературе мелькают метафоры: информация – это «запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных», «мера разнообразия», «мера сложности структур», «мера организации», «средство создания порядка из беспорядка», «некий алгоритм, совокупность приёмов, правил или сведений», «сущность, сохраняющаяся при вычисленном изоморфизме» и т.д.

«Отец кибернетики» Норберт Винер (1894–1964) шокировал в 1948 г. научное сообщество афоризмом: «Информация есть информация, а не материя и не энергия». Поскольку противоположностью материального является идеальное, афоризм Винера прочитывается как метафора «информация есть идеальный феномен».

Появление идеальных феноменов в материально едином мире проти-

воречит принципу материалистического монизма и, естественно, вызвало сопротивление философов-материалистов. Полемизируя с кибернетическим идеализмом, советская философия обогатилась атрибутивной, функциональной, антропоцентристской концепциями, которые раскрывали природу информации по-разному, но с позиции диалектического материализма. Основоположник философии информации в нашей стране А. Д. Урсул выдвинул такую дефиницию: информация суть отражённое разнообразие, а именно разнообразие, которое один объект содержит о другом объекте [3].

Развивая точку зрения А. Д. Урсула, К. К. Колин предложил формулировку: «Информация представляет собой всеобщее фундаментальное свойство реальности, которое проявляется в том, что отдельные фрагменты реальности различным образом проявляют себя в пространстве и времени, т.е. обладают свойством различия. Совокупность этих различий и есть информация» [4. С. 75].

Привлекает внимание *теологическая* трактовка основателя информацииологии И. И. Юзвизина: «Информация – всеобщая генеративная основа природы и общества; это универсальное генеративное поле Вселенной и универсальное начало всех начал; информация первична, материя вторична. Информация – универсальный генеративный ресурс Вселенной, безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира» [5. С. 587]. Что есть «всеобщая генеративная основа природы и общества»? Что представляет собой первичное «начало всех начал», породившее материю? Как понимать «безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»? Ответ очевиден: это Бог! В Библии написано: «В начале было Слово»; в «евангелии» от Юзвизина написано: «В начале была Информация». Информационный подход в данном случае приобретает мистический оттенок.

Знакомство с разнообразными интерпретациями информации в современной науке и практике приводит к следующим выводам:

1. Единого и единственного определения информации нет. Научное понятие «информация» представляет собой полисемичную (многозначную) абстракцию. Оно включает множество относительно обоснованных значений: семантическая, машинная, математическая, биологическая, элементарная и бесконечное множество эмпирических, научных, философских метафор, образованных в процессе информационного подхода.

2. Особенно удачно описаны и объяснены посредством информационного подхода три фундаментальных социальных процесса: А. Познание внешнего мира и самопознание; Б. Коммуникация между людьми и сигнализация животных; В. Управление в социуме, связь в технических устройствах и биологических системах. В процессах познания, коммуникации,

управления человеческое общество создаёт и использует документы.

3. Поскольку документ представляет собой «объект, позволяющий получить от него требуемую информацию» [6. С. 77], информация первична, а документ вторичен, ибо информация может существовать независимо от документов, а документы всегда являются носителями информации. Тогда документосферу, где создаются, передаются, хранятся и используются документы, следует понимать как результат документирования информации. Возникает вопрос: какие типы и виды информации могут быть документированы, т.е. искусственно зафиксированы на материальном носителе?

2.2. Документирование информации

Оказалось, что на пути определения типов и видов информации, подлежащих документированию, имеется терминологический барьер. Г. Н. Швецова-Водка называет *документированием процесс создания документа (закрепления, фиксирования информации в документе)* [1. С. 337]. Результат документирования – *документированная информация*, которую Галина Николаевна определяет как «*информацию, зафиксированную в документе*» [Там же]. Ю. Н. Столяров доказывает, что «способность информации быть закреплённой на материальном носителе» следует именовать свойством *документарности*, а реализацию этого свойства – *документаризацией* или *документизацией* [7]. Итак, возникает дилемма: документ – это результат документирования или документаризации?

Надо признать, что в современном документоведении, вопреки логико-лингвистическим доводам Ю. Н. Столярова, используется термин «документирование», а не «документаризация». Терминологические ГОСТы и даже федеральные законы ориентируются не на общую типологию информации, а на частные ситуации. Так, ГОСТ Р 7.0.8–2013 утверждает, что документирование – это «запись информации на носителе по установленным правилам». При этом имеются в виду правила делопроизводства и архивирования. Понятия «способ документирования», «средство документирования», «система документирования» используются в учебнике Н. С. Ларькова [8] и других учебных пособиях.

Уступая сложившейся традиции, примем дефиницию, признанную в библиотечно-информационной школе: *документирование – это создание документа с использованием различных методов, способов и средств фиксирования информации на материальном носителе* [9. С. 72]. Недостаток этой дефиниции в том, что она оставляет открытым вопрос о типе информации, которая фиксируется на носителе.

Документалист-кибернетик Г. Г. Воробьёв в докторской диссертации «Информационная теория документа», защищённой в 1979 г. на стыке до-

кументалистики и информатики, высказался определённо: «Под документом понимается семантическая информация, выраженная на любом языке и зафиксированная любым способом на любом носителе с целью её обращения в динамической системе, иными словами, всё то, что в принципе может храниться в архивах, библиотеках, музеях» [10. С. 6].

Рассуждение Геннадия Григорьевича привлекает простотой и практичностью: то, что признаётся достойным хранения в современных архивах, библиотеках, музеях, это и есть документы, а прочие естественные или искусственные предметы документами не считаются. Критерий Г. Г. Воробьёва вовсе не является формально-поверхностным, как может показаться. Архивы, библиотеки, музеи – это исторически сформировавшиеся институты социальной памяти, хранилища фондов социально ценной семантической (смысловой) информации. Именно эту информацию и нужно документировать в качестве современного культурного наследия, учитывая, разумеется, что понятие «документ» не может из века в век оставаться стабильным.

Меняются господствующие идеологии и идеалы, политические и экономические ориентации, пересматриваются культурное наследие и технологии коммуникации, и, соответственно, изменяются объём и содержание понятия «документ». Следовательно, семантическая информация в динамике её бытования – несомненный объект документирования. А как быть с информацией, представляющей собой «запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных», «меру разнообразия», «всеобщую генеративную основу природы и общества»?

Первую попытку уяснить проблематику документирования в контексте социально-информационных коммуникаций предприняла Н. Б. Зиновьева в учебно-методическом пособии «Теория документирования» [11]. Определив его сущность как «фиксацию информации в структуре материального носителя для последующего её использования», она рассматривает документирование как метод и как профессиональную деятельность, описывает эволюцию способов документирования и утверждает теорию документирования как новое научное направление в науке о документе, основанное на деятельностном подходе.

Упоминаются родственные документированию процессы, к которым относятся: литературное творчество, художественно-изобразительное творчество, научно-исследовательская деятельность, публицистическая деятельность, деятельность средств массовой информации [Там же. С. 25–28]. Теоретик-новатор критически оценивает научный уровень «каждого из документоведений – библиотечно-библиографического, судебно-следственного, управленческого, исторического» и ставит проблему «их теоретического обобщения и определения места каждого из них» [Там же. С. 152].

Меня смутила идея разграничения понятий «документированная информация» и «документ», демонстрирующая пристрастие Нонны Борисовны к управленческому документоведению в духе ВНИИДАД. Автор определяет *документированную информацию* как «социальную информацию, закреплённую различным способом на любом носителе, о фактах, событиях, явлениях объективной действительности и мыслительной деятельности человека», а *документ* как «разновидность документированной информации, которой придан особый статус путём признания достоверности содержащихся сведений и/или наделения полномочиями, позволяющими участвовать в социальных процессах» [11. С. 87].

Очевидно, что статусом достоверности содержания наделяется не любой документ, а только управленческий, что следовало бы отметить. Но суть моих недоумений не в том, что «неуправленческая документированная информация» исключена из числа документов, а в том, что из поля зрения автора выпала семантическая информация, которая имеет решающее значение в документальной коммуникации.

Профессор Зиновьева определяет документированную информацию как социальную, а социальную трактует в трёх аспектах одновременно: во-первых, в качестве коммуникабельной сигнальной информации [Там же. С. 7–10]; во-вторых, в качестве кибернетической информации Н. Винера [Там же. С. 11]; в-третьих, в качестве снятой неопределённости согласно теории информации К. Шеннона [Там же. С. 12–14]. Эти аспекты свойственны машинной и математической, а не семантической информации.

Сигнальные импульсы и математические формулы трудно представить в качестве «информации, зафиксированной в документе на его носителе», т.е. в качестве документированной информации. А вопрос о придании какой-то части этой информации «особого статуса путём наделения полномочиями, позволяющими участвовать в социальных процессах», не имеет смысла. На мой взгляд, разграничивать понятия «документ» и «документированная информация» нелепо, потому что документ является носителем не всякой информации, а только документированной. Тем не менее, несмотря на довольно скептические замечания Г. Н. Швецово-Водки, выступившей в качестве рецензента новаторской книги [12], именно Н. Б. Зиновьевой принадлежит титул первооткрывателя теории документирования, которая должна объяснить генезис и функционирование документосферы.

2.3. Структура документосферы

Документы, как известно, имеют не естественное, а искусственное происхождение, их порождает не природа, а общество. Какого типа документы производятся в результате документирования? Чтобы ответить на

этот вопрос, обратимся к типологии документов. Скрупулёзный анализ российской, украинской, польской документоведческой литературы, выполненный Г. Н. Швецово-Водкой, показал: существуют восемь значений понятия «документ», которые соответствуют восьми типам документов, реально используемым в современной документосфере [1, 13]. Напомним эту типологию.

Документ I: Любой материальный объект, несущий закреплённую информацию, который можно использовать для изучения какого-либо физического или интеллектуального явления;

Документ II: Результат человеческого труда, предмет материальной культуры человечества, свидетельствующий об уровне развития человеческой цивилизации (орудия труда, оружие, здания, машины и т.д.);

Документ III: Материальный объект, созданный специально для передачи в обществе зафиксированной на нём семантической информации, т.е. материальное воплощение человеческой мысли в виде «документов трёх измерений» – модели, макеты, скульптуры, памятники и пр.;

Документ IV: Материальный объект, на котором семантическая информация закреплена способом записи (независимо от вида записи), включая произведения письменности и печати, рисунки и гравюры, фотографии и кинофильмы, любой вид записи голоса или изображения;

Документ V: Запись, являющаяся спутником определённой духовной деятельности и отражающая её, например источники личного происхождения (мемуары, дневники, автобиографии, письма), техническая документация;

Документ VI: Запись, содержащая сведения о юридическом факте, например, материалы социологических исследований, статистические данные;

Документ VII: Запись о юридическом факте, имеющая необходимый набор засвидетельствования (судебно-следственное дело);

Документ VIII: Запись о юридическом факте, удостоверяющая личность (пропуск, мандат, паспорт).

Эта типизация построена эмпирически, её достоинство в том, что она отражает реальные духовные потребности общества, которые в свете информационного подхода выглядят как социальные информационные потребности. Что имеется в виду? Документы I, II, III типов объединяют три общих качества: во-первых, они являются носителями *семантической информации*, содержание которой – *знание*; во-вторых, они демонстрируют в качестве знаковой формы не запись, сделанную письменами, а собственный *многомерный образ*, свою телесность; в-третьих, они предназначены для использования в процессе *социального познания*.

Собственно говоря, документы I и II типов генетически документами

не являются, процедура их документирования заключается в содержательном отборе и соответствующем комментировании. Документы I типа представляют Вселенную, включающую «любые материальные объекты», в том числе «ландшафты, представителей животного и растительного мира, предметы быта, архитектурные памятники и т.п.». Г. Н. Швецова-Водка отмечает, что «значение Документа I охватывает только такие материальные объекты, которые собраны человеком и представлены для обозрения, ознакомления и изучения» в качестве «экспонатов или музейных предметов» [1. С. 28].

Аналогично к документам II причисляют не всё множество «предметов материальной культуры человечества», а только некоторые особенно познавательные образцы, отобранные историками-музееведами. Другое дело – монументы или панорамы, относящиеся к документам III и специально созданные в качестве носителей семантической информации: здесь каждый документ уникален и единственный в своём роде, хотя имеются копии и репродукции отдельных шедевров. Можно сказать, что назначение документов этих типов – служить средством удовлетворения *познавательных социальных потребностей*. Благодаря документам I, II, III в структуре документосферы формируется **сектор социального познания**.

Для того чтобы познавательная информация, носителями которой служат документы I, II, III, дошла до своего потребителя (П), требуется коммуникационный процесс по схеме Д → П. Поэтому познавательный сектор документосферы, где превалирует музейный социальный институт, входит в состав **сектора социальной коммуникации**, являющегося центральным в документосфере. Его организационное ядро образуют социальные институты *библиосферы*, действующие в таких областях, как книгоиздание, журналистика, книжная торговля, библиография, библиотечное дело.

Документы IV и V, представляющие собой *записи*, являются типичными продуктами письменности и полиграфии и, конечно, – носителями *семантической информации*, причём её смысловое содержание охватывает не только знания, но и умения, волевые воздействия, эмоции, фантазии, т.е. *все виды смыслов*. Материальные носители этих документов ассоциируются с плоской поверхностью бумаги или её заменителей, а знаковую форму образуют все виды *человекочитаемых знаков и изображений* в кодированном или некодированном виде. Социальное назначение документов IV и V – служить для социальных институтов образования, художественной литературы, науки, политической и социальной жизни средством удовлетворения *духовных потребностей* в текущей и ретроспективной смысловой информации.

Триада документов VI, VII, VIII – носитель *управленческой*, в том числе юридической, информации. Управленческая информация представляет собой один из видов семантической информации, содержание которого суть

волевые воздействия государственной или местной власти, связанные с потребностью в управлении обществом, регионом, учреждением, фирмой и пр. Для локализации документов этого типа в структуре документосферы предусмотрен **сектор социального управления**, организационную основу которого образует архивный социальный институт, располагающий обширной архивной сетью, системой подготовки кадров и научно-исследовательским центром архивоведения в лице ВНИИДАД.

Очевидно, что главное назначение этого сектора – содействие государственной власти и другим властным структурам в их управленческой деятельности. Вместе с тем архивные фонды являются незаменимым источником во всех исторических исследованиях. Поэтому сектор социального управления содержательно входит в сектор социального познания документосферы.

Исходя из анализа типологии документов, предложенной Г. Н. Швецово-Водкой, можно сделать следующие выводы относительно структуры документосферы:

1. Все секторы документосферы – носители семантической информации. Остальные типы информации (машинная, математическая, элементарная, биологическая) не используются в качестве смыслового содержания документа. Отсюда следует, что предложенная Ю. Н. Столяровым формулировка: «*Документ – это информация на материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме*» [14. С. 125] вполне удовлетворительна. Структура документосферы многомерна. Она может рассматриваться с организационной и функциональной точек зрения.

2. Организационную структуру документосферы образуют *документальные социальные институты*, которые распределяются по секторам документосферы следующим образом: сектор познания – архивный, библиографический, библиотечный, музейный институты; коммуникационный сектор включает все виды документальных институтов; управленческий сектор – архивный и библиотечный институты. Поскольку все документальные институты предназначены для коммуникации семантической (семиотической) информации, они относятся к классу *коммуникационных* институтов и классу *семиотических* институтов. Поэтому их можно назвать коммуникационно-семиотическими институтами.

3. По общественному назначению различают три функциональных сектора, ориентированных на удовлетворение соответствующих социальных информационных потребностей: *социального познания, социальной коммуникации, социального управления*. Однако жёсткое размежевание отсутствует, и познавательную функцию выполняют коммуникационные и управленческие сектора, документы коммуникационного назначения явля-

ются носителями познавательной и управленческой информации, управленческий сектор служит источником познания. Это обстоятельство свидетельствует о тенденции к интеграции документальных институтов.

2.4. Документивный синтез архивов, библиотек, музеев

Термин «документивный» заимствован нами из предложенного Ю. Н. Столяровым «Документологического тезауруса», где он трактуется как «отражающий сущность процесса или явления» [17]. Такая формулировка адекватно выражает замысел этого раздела, где речь пойдет о синтезе документальных институтов, обусловленном их сущностной близостью. Другими словами, мы намерены обратить внимание на сущностную (документивную) близость архивов, библиотек, музеев, обусловленную общностью их *документностной* природы. Неологизм «документностный» уместен в данном случае, потому что он, согласно тезаурусу Юрия Николаевича, означает: «исходящий из признания базисности документа при рассмотрении соответствующих явлений и процессов», что вполне согласуется с нашей точкой зрения.

Документивная близость архивов, библиотек, музеев просматривается в очевидном сходстве осуществляемых ими кумулятивных и трансляционных функций, сводящихся к сбору (комплектованию), обработке, хранению и использованию тех или иных видов документов. Срачиваются (документивный синтез) различные документальные учреждения. Крупные библиотеки, позиционирующие себя культурно-историческими центрами, формируют в своих стенах архивы и музеи.

Так, РГБ создала Фонд редких и ценных изданий, насчитывающий более 300 тыс. единиц хранения музейного уровня, в котором широко представлены иностранные издания XV–XVII вв. и старопечатные отечественные книги XVI–XVIII вв. В структуре РГБ есть Музей книги, где экспонируется шкафчик, в котором Пушкин держал свои рукописи. Библиотека РАН имеет учрежденческий архив, входящий в структуру Архива РАН. В Музее БАН собраны материалы по истории РАН с 1859 г., использующиеся в научной и выставочной работе.

Основанный в 1905 г. Пушкинский Дом первоначально замышлялся как хранилище первоисточников, связанных с творчеством А. С. Пушкина, но с течением времени превратился в библиотечно-библиографический и архивно-музейный комплекс, символизирующий тысячелетнюю историю русской литературы с XI по XXI в. Здесь хранятся рукописи А. С. Пушкина – более 12 тыс. страниц архивного хранения и коллекция из 500 писем поэта, его личная библиотека, насчитывающая около 3 700 книг, более 5 тыс. документальных свидетельств о различных фактах его биографии, а также скаме-

ечка А. П. Керн, на которой сживал Пушкин (передана её внучкой) [15].

Общество «Мемориал» создало в Москве крупнейший архивно-библиотечно-музейный центр, где собраны уникальные коллекции архивных документов, книг, периодики, музейных экспонатов (вещей, произведений искусства), связанных с историей репрессий, сопротивления режиму, диссидентства в СССР.

Государственные архивы и музеи, наряду с национальными и региональными библиотеками, выполняют национально-мемориальную функцию – хранения книжных памятников. Согласно ГОСТу 7.87–2003, *книжные памятники* – это рукописные и печатные книги, книжные коллекции, обладающие выдающимися духовными, эстетическими, полиграфическими или документирующими свойствами, представляющие общественно значимую научную, историческую или культурную ценность и охраняемые специальным законодательством.

По степени историко-культурной ценности книжные памятники могут быть мирового, государственного (федерального), регионального, местного (муниципального) уровня. Соответственно дифференцируются их учёт, хранение, использование. Библиотекарям-книжникам лестно, что книжные памятники стоят в одном ряду с другими официально признанными памятниками истории и культуры, в том числе архитектурными, изобразительными, литературными, музыкальными. Таким образом, национальные, отраслевые, региональные и центральные городские библиотеки – это не только книгохранилища, но и музеи книги, и исторические архивы.

Книжные памятники – предмет изучения истории книги, они традиционно именуются книгами, а не документами. Но остаётся открытым вопрос: являются ли книгами их оцифрованные дубликаты? В информационно-технологическом плане они не отличаются от электронных архивных документов или оцифрованных музейных экспонатов. Информатизация открывает новые перспективы для сращивания библиотечных, архивных, музейных фондов.

Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина – пример реализации универсального интегрального фонда, именуемого «информационный ресурс». Информационный ресурс этой библиотеки формируется из цифровых копий печатных изданий, архивных и официальных документов, музейных предметов, а также из изначально созданных в электронном виде ресурсов, в том числе собственного производства, включая издательскую и аудиовизуальную продукцию. Особое внимание в библиотеке уделяется формированию тематических электронных коллекций, наполнению электронного фонда фото-, аудио- и видеоматериалами и ведению новостных разделов портала.

Поскольку границу между оцифрованными библиотечным, архивным,

музейным фондами невозможно провести однозначно, радикалы-технократы пророчат: электронным библиотекам будут нужны только менеджеры по электронным ресурсам, а не специалисты в области архивного, библиотечного или музейного дела. Так, недавно вышел в свет «Атлас новых профессий», где утверждается, что оцифровка всех библиотек и архивов с возможностью доступа к любой информации в любое время из любой точки мира приведёт к исчезновению библиотекарей, документоведов, архивариев [16. С. 265].

Интеграцию документально-коммуникационных социальных институтов не раз обсуждали в профессиональной печати [17]. В рамках международной конференции «Крым» и «Румянцевских чтений» в Москве в 2010-е гг. работали секции и «круглые столы», посвящённые взаимодействию библиотек, архивов, музеев в пространстве информации и культуры. Научная интеграция получила отражение в терминологии взаимодействующих дисциплин.

Документовед В. А. Бондарь в своей диссертации «Эволюция терминологии в сфере управления документами в России в конце 1950-х–2013 гг.» отметил взаимопроникновение в наши дни терминов документоведения, библиотечного, книговедения, информатики, создающее основу для формирования междисциплинарной терминосистемы [18]. Общность языка – хорошая предпосылка для разработки общей теории, нацеленной на сопоставительный анализ содержания частных наук и выявление методом обобщения фундаментальных межнаучных закономерностей.

Категория «семантическая информация», используемая в методологии информационного подхода, является обобщающей по отношению к понятиям «архивный документ», «книга», «библиографическая информация», «музейный предмет», и поэтому может использоваться для развития интеграционных тенденций в документосфере. Потребность в научно-интеграционном синтезе документально-коммуникационных дисциплин диктуется эмпирическим и поверхностным уровнем теории архивоведения, библиотечно-библиографических дисциплин, документоведения, книговедения, музееведения, который не соответствует вызовам электронной коммуникации и компрометирует профессию в глазах общественности.

Что препятствует документивному синтезу архивов, библиотек, музеев? Есть субъективное и объективное препятствия. Субъективное порождается научным сепаратизмом, присущим некоторым документам. Рассмотрим это подробнее.

В разделе 1.2 (см. № 5 2016 г. – *Ред.*) мы ознакомились с утверждением Г. А. Двоеносовой: именно документоведение является гегемоном среди наук о документе. Можно было бы не принимать всерьёз частное мнение

документоведа, но дальнейшее углубление в тему показало, что эту точку зрения разделяют авторитетные руководители архивной отрасли, которые соответствующим образом решают вопрос о роли архивов, библиотек, музеев.

Классик отечественного документоведения К. Б. Гельман-Виноградов (1925–2010) на основе изучения многочисленных источников пришёл к выводу, что некорректно «причислить к документам все материальные объекты, которые могут быть использованы для передачи информации в обществе (включая экспонаты музеев, архитектурные памятники, образцы пород и т.п.)» [21. С. 20]. Ким Борисович решительно возражает против «притязаний» библиотекovedов – рассматривать документоведение в качестве «обобщающей науки о документе», ибо документоведение «уже давно существует в качестве научной дисциплины», развиваемой в отрасли архивного дела.

Учёные-документоведы решительно возражают против использования понятия «документ» в библиотекovedении или музееведении. Так, К. И. Рудельсон отмечала, что творения природы, выставяемые в музеях и зоопарках, не являются документами в прямом значении [20. С. 17], а К. Б. Гельман-Виноградов не допускал и мысли, что скульптуру О. Родена «Мыслитель» можно отнести к документам [21. С. 21].

Как ни странно, руководитель Росархива – член-корреспондент РАН В. П. Козлов в дискуссионной статье «Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти» [22] занял гегемонистскую позицию. Схематично сопоставив познавательную ценность музейного предмета, библиотечной книги и архивного документа, автор приходит к выводу, что «именно последний наиболее полно и приближённо к жизни отражает её, а значит, является основным носителем исторической памяти». Организация исторической памяти в архивах, по мнению авторитетного археографа, «более упорядочена, более системна, наиболее полна в своём приближении к действительности, а значит, будет всегда оставаться наиболее востребованной» по сравнению с музеями и библиотеками.

В «общей теории документа» В. П. Козлов учитывает разные состояния документа, соответствующие предметам изучения архивоведения (архивный документ), документоведения (нормы оформления документа), источниковедения (исторический источник), археографии (документальная публикация) [23. С. 7]. Документ в виде книги или музейного экспоната исключается вопреки претензии на «общую теорию».

Информационный подход, использующий разнородные типы и метафоры информации, систематизация которых затруднительна, имеет ограниченный потенциал. Нуждаются в углублённой сущностной разработке информационно-семантические процессы в интегрируемых документальных

институтах. Впрочем, обсуждение достоинств и ограничений информационного подхода выходит за рамки нашей постановочной статьи. Столкновение сепаратистских настроений и научно-интеграционных тенденций заставляет прислушаться к мудрым словам Ю. Н. Столярова: «Уяснение того, что документ – понятие относительное, условное, конвенциональное, – на сегодняшний день самый сложный момент во всей документологии» [14. С. 132].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Швецова-Водка Г. Н.** Документ в свете ноокоммунологии : науч.-практ. пособие. – Москва : Литера, 2010.
Shvetsova-Vodka G. N. Dokument v svete nookommunikologii : nauch.-prakt. posobie. – Moskva : Leetera, 2010.
2. **Гиляревский Р. С.** Информационная культура в высшей школе // НТИ. Сер. 1. – 2007. – № 2.
Gilyarevskiy R. S. Informatsionnaya kultura v vysshey shkole // NTI. Ser. 1. – 2007. – № 2.
3. **Урсул А. Д.** Информация. Методологические аспекты. – Москва : Наука, 1971. – 296 с.
Ursul A. D. Informatsiya. Metodologicheskie aspekty. – Moskva : Nauka, 1971. – 296 s.
4. **Коллин К. К.** Философия информации: структура реальности и феномен информации // Метафизика. – 2013. – № 4. – С. 61–84.
Kolin K. K. Filosofiya informatsii: struktura realnosti i fenomen informatsii // Metafizika. – 2013. – № 4. – S. 61–84.
5. **Юзвিশин И. И.** Основы информациологии : учеб. – Москва : Высш. шк., 2001. – 596 с.
Yuzvishin I. I. Osnovy informatsiologii : ucheb. – Moskva : Vyssh. shk., 2001. – 596 s.
6. **Столяров Ю. Н.** Теория относительности документа // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – № 7. – С. 73–78.
Stolyarov Yu. N. Teoriya otноситel'nosti dokumenta // Nauch. i tehn. b-ki. – 2006. – № 7. – S. 73–78.
7. **Столяров Ю. Н.** Документологический тезаурус // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: Одиннадцатая международ. конф. «Крым–2004». – Москва : ГПНТБ России, 2004.
Stolyarov Yu. N. Dokumentologicheskiy tezaurus // Biblioteki i informatsionnye resursy v sovremennom mire nauki, kultury, obrazovaniya i biznesa: odinnadtsataya mezhdunarod. konf. «Crimea–2004». – Moskva : GPNTB Rossii, 2004.
8. **Ларьков Н. С.** Документоведение : учеб. – 3-е изд. – Москва : Проспект, 2016. – С. 87–137.
Larkov N. S. Dokumentovedenie : ucheb. 3-e izd. – Moskva : Prospekt, 2016. – S. 87–137.
9. **Гордукалова Г. Ф., Захарчук Т. В., Плешкевич Е. А.** Документоведение. Часть 1. Общее документоведение : учеб. – Санкт-Петербург : Профессия, 2013.

Gordukalova G. F., Zaharchuk T. V., Pleshkevich E. A. *Dokumentovedenie. Chast 1. Obshchee dokumentovedenie : ucheb. – Sankt-Peterburg : Professiya, 2013.*

10. **Воробьев Г. Г.** Информационная теория документа / автореф. дис. ... д-ра тех. наук / МГИИИ. – Москва, 1979.

Vorobev G. G. *Informatsionnaya teoriya dokumenta / avtoref. dis. ... d-ra teh. nauk / MGIIAI. – Moskva, 1979.*

11. **Зиновьева Н. Б.** Теория документирования : учеб.-метод. пособие. – Москва : Литера, 2011. – 176 с.

Zinoveva N. B. *Teoriya dokumentirovaniya : ucheb.-metod. posobie. – Moskva : Leetera, 2011. – 176 s.*

12. **Швецова-Водка Г. Н.** Оригинальная трактовка документирования и документа // Науч. и техн. б-ки. – 2012. – № 7. – С. 11–25.

Shvetsova-Vodka G. N. *Originalnaya traktovka dokumentirovaniya i dokumenta // Nauch. i tehn. b-ki. – 2012. – № 7. – S. 11–25.*

13. **Швецова-Водка Г. Н.** Общая теория документа и книги : учеб. пособие. – Москва : Рыбари ; Киев : Знания, 2009. – С. 14–37.

Shvetsova-Vodka G. N. *Obshchaya teoriya dokumenta i knigi : ucheb. posobie. – Moskva : Rybary ; Kiev : Znannya, 2009. – S. 14–37.*

14. **Столяров Ю. Н.** Документология : учеб. пособие. – Орёл : Горизонт, 2013.

Stolyarov Yu. N. *Dokumentologiya : ucheb. posobie. – Orel : Gorizont, 2013.*

15. **Баскаков В. Н.** Библиотека и книжные собрания Пушкинского Дома. – Ленинград : Наука, 1984. – 38 с. ; **Прозоров Ю.** «Не пустой для сердца звук...». Пушкинскому Дому – 110 лет // Лит. газ. – 2015. – 10–16 дек.

Baskakov V. N. *Biblioteka i knizhnye sobraniya Pushkinskogo Doma. – Leningrad : Nauka, 1984. – 38 s. ; Prozorov Yu. «Ne pustoy dlya serdtsa zvuk...». Pushkinskomu Domu – 110 let // Leet. gaz. – 2015. – 10–16 dek.*

16. **Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив; «Сколково», моск. шк. упр. – Москва, 2015.**

Atlas novykh professiy / Agentstvo strategicheskikh initsiativ; «Skolkovo», mosk. shk. upr. – Moskva, 2015.

17. **Беспалова Э. К.** Одна, две или три науки? // Книга: исследования и материалы. – 2007. – Сб. 86/1. С. 50–66; **Ленский Б. В., Васильев В. И.** Книговедение. Книжная культура. Книгоиздание: история и современность. – Москва : Наука, 2009. – С. 11; **Люттов С. Н.** Актуальные проблемы развития книжного дела и науки о книге // Вестн. ЧГАКИ. – 2012. – № 1. – С. 18–21; **Полтавская Е. И.** Библиотека в системе социокультурных институтов // Науч. и техн. б-ки. – 2011. – № 10. – С. 5–20; **Столяров Ю. Н.** Библиотекведение, библиографведение и книговедение как единая научная специальность. – Орёл : ОГИИК, 2007. – 266 с.

Bespalova E. K. *Oдна, dve ili tri nauki? // Kniga: issledovaniya i materialy. – 2007. – Sb. 86/1. S. 50–66; Lenskiy B. V., Vasilev V. I. Knigovedenie. Knizhnaya kultura. Knigoizdanie: istoriya i sovremennost. – Moskva : Nauka, 2009. – S. 11; Lyutov S. N. Aktualnye problemy razvitiya knizhnogo dela i nauki o knige // Vestn. ChGAKI. – 2012. – № 1. – S. 18–21; Poltavskaya E. I. Biblioteka v sisteme sotsiokulturnykh institutov // Nauch. i tehn. b-ki. – 2011. – № 10. – S. 5–20; Stolyarov Yu. N. Bibliotekovedenie, bibliografovedenie i knigovedenie kak edinaya nauchnaya spetsialnost. – Orel : OGIIK, 2007. – 266 s.*

18. **Бондарь В. А.** Эволюция терминологии в сфере управления документами в России в конце 1950-х–2013 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2015. – С. 189–191.

Bondar V. A. *Evolutsiya terminologii v sfere upravleniya dokumentami v Rossii v kontse 1950-h–2013 gg.* : dis. ... kand. ist. nauk. – Ekaterinburg, 2015. – S. 189–191.

19. **Кушнарченко Н. Н.** Документоведение : учеб. – 3-е изд. – Киев : Знання, КОО, 2001.
Kushnarenko N. N. *Dokumentovedenie : ucheb. 3-e izd.* – Kiev : Znannya, KOO, 2001.

20. **Рудельсон К. И.** Современные документные коммуникации. – Москва : Наука, 1973.
Rudelson K. I. *Sovremennye dokumentnye kommunikatsii.* – Moskva : Nauka, 1973.

21. **Гельман-Виноградов К. Б.** О сложностях трактовки понятия «документ» и способах их преодоления // Делопроизводство. – 2005. – № 2.

Gelman-Vinogradov K. B. *O slozhnostyah traktovki ponyatiya «dokument» i sposobah ih preodoleniya* // *Deloproizvodstvo.* – 2005. – № 2.

22. **Козлов В. П.** Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечеств. архивы. – 2004. – № 6. – С. 71–74.

Kozlov V. P. *Muzei, biblioteki, arhivy v sisteme istoricheskoy pamyati* // *Otechestv. arhivy.* – 2004. – № 6. – S. 71–74.

23. **Козлов В. П.** Общая теория документа // Делопроизводство. – 2009. – № 3.

Kozlov V. P. *Obshchaya teoriya dokumenta* // *Deloproizvodstvo.* – 2009. – № 3.

Arkadiy Sokolov, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, St. Petersburg State Institute of Culture, Meritorious Scientist
sokolov1@front.ru
15 Fuchika str., 192238, St. Petersburg, Russia